

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47).084.3

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-240-261>

Начало интервенции на Дальнем Востоке в 1918 году через призму интересов Центральных держав

© Л.В. Ланник

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Россия

Аннотация: История Гражданской войны в России и на ее окраинах до сих пор слабо вписана в контекст Великой войны, несмотря на самые весомые к тому основания. Исследователи часто рассматривают логику действий иностранных акторов, исходя из внутривосточных процессов, что ведет к искажениям или игнорированию ряда явлений. Причины этого не только в политической конъюнктуре и традиционализме, но и в нехватке необходимых источников. Опубликованный впервые документ призван привлечь внимание к проблеме влияния Центральных держав на события на Дальнем Востоке как в России, так и в Китае в 1918 году. В обнаруженной в архиве внешней политики РФ аналитической записке дается описание ситуации в Восточной Азии в 1917–1918 гг., рассматривается первый период Гражданской войны в России в этом регионе. Ее автор, инженер Кляйе, ставил перед собой не только гуманитарную задачу спасения соотечественников в Восточной Азии. Он передавал ценную информацию о расстановке сил в Китае и возможных союзниках Центральных держав среди российских и китайских элит и оценивал соотношение сил и роль подданных Германии и Австро-Венгрии в вооруженных конфликтах на Транссибирской магистрали. Автор высказывал ряд предположений о генезисе восстания Чехословацкого корпуса и о мотивах действий, так называемых, интернационалистов. Этот меморандум должен был заставить политиков Берлина и Вены не допустить трагедии их соотечественников на другом конце Евразии и побудить к активному вмешательству в борьбу за контроль над Дальним Востоком, в том числе установив контакт с Колчаком и другими лидерами антибольшевистских сил в регионе. Публикация подобных источников позволит переоценить представление о возможностях всех сторон в разгоравшейся Гражданской войне, опровергнуть устоявшееся мнение о неизменной антантовской ориентации ряда лидеров Белого движения.

Ключевые слова: Гражданская война, великая война, интервенция, Центральные державы, военнопленные, интернационалисты, репатриация, Транссибирская магистраль, Китай, восстание Чехословацкого корпуса, А.В. Колчак

Для цитирования: Ланник Л.В. Начало интервенции на Дальнем Востоке в 1918 году через призму интересов Центральных держав // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2021. Т. 17. № 1. С. 240–261. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-240-261>

The beginning of the Intervention on the Russian Far East in 1918 through a lens of the interests of the Central Powers

© Leontiy V. Lannik

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract: The history of the Civil War in Russia and on its borderlands is still rather poorly coincided with the context of the Great War despite the substantial reasons for this. Researchers often consider the logic of actions of foreign actors basing first of all on the internal Russian processes, which leads to distortions or ignoring a number of phenomena. The reasons for this are not only political conjuncture and traditionalism, but also the lack of necessary sources. The document, published for the first time, is (and was) intended to focus attention to the problem of the influence of the Central Powers on the events in the Far East, both in Russia and in China in 1918. The document was found in the Archive of Foreign Policy of Russian Federation. His author, engineer Kleie, had set not only the humanitarian mission of saving his compatriots in East Asia. He conveyed valuable information about the balance of power in China and possible allies for German coalition within Russian and Chinese elites, and assessed the balance of power and the role of the citizens of Germany and Austria-Hungary in the armed conflicts along the Trans-Siberian Railway. The author made a number of assumptions about the genesis of the uprising of the Czechoslovak Corps

and about the motives of the actions of the so-called internationalists. This memorandum was intended to force the politicians of Berlin and Vienna to prevent the tragedy of their compatriots on the another edge of Eurasia and to encourage active intervention in the struggle for control of the Far East, including establishing contact with Kolchak and other leaders of anti-Bolshevik forces in the region. The publication of such sources could allow to reassess the pool of possibilities of all parties in the Civil War, that was just spreading in 1918, to overturn the established opinion about the constant Entente orientation of a number of leaders of the White Movement.

Keywords: the Civil War, the Great War, intervention, the Central Powers, war prisoners, internationalists, repatriation, Trans-Siberian Railway, China, revolt of Czechoslovak Legion, A.V. Kolchak

For citation: Lannik L.V. (2021) The beginning of the intervention on the Russian Far East in 1918 through a lens of the interests of the Central Powers. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 1. P. 240–261. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-240-261>

История Гражданской войны и интервенции в России до сих пор пишется в основном в рамках давно проторенных путей. Крупные достижения по ряду локальных сюжетов и публикация значительного количества прежде недоступных источников смогли изменить фактологию, но до смены парадигмы в восприятии так и не дошло. В том числе потому, что многие из альтернатив, предлагавшихся традиционной советской версии, не выдержали аргументированной критики или не были фундированы в той мере, которая необходима для согласия на пересмотр весьма серьезно разработанной за многие десятилетия (пост)советской концепции¹. Однако это вовсе не означает отсутствия в последней лакун или уязвимых мест, а также преодоления унаследованной предвзятости по ряду вопросов. В целом крайне неконструктивное отделение Гражданской войны на развалинах Российской империи от общего контекста финала Великой войны и ее первичных последствий сохраняется, причем в истории некоторых регионов в 1917–1922 гг. это дает о себе знать особенно болезненно. Едва ли не более всего это касается Дальнего Востока и Восточной Сибири.

¹ Не вдаваясь в масштабный обзор историографии Гражданской войны и интервенции в целом или в отдельных регионах, достаточно упомянуть целый пласт трудов, посвященных анализу историографии специально и выходящих с завидной регулярностью (Гражданская война в России..., 2018; Россия в годы Гражданской войны..., 2018). Отдельные этапы развития отечественной историографии Гражданской войны рассмотрены в масштабной серии работ Г.М. Ипполитова.

Классическая советская версия исходила из приоритета внутривнутриполитического генезиса конфликтов в ходе распада Российской империи, упорно подчиняя желаемой (как правило, социально-экономической) логике ход событий иностранной интервенции и любых сепаратистских движений. Именно так анализировались и действия внешних акторов и сил, оказывавших определяющее влияние на судьбы тех регионов России, что надолго оказались за пределами досягаемости Москвы. В исторических трудах упорно навязывали удобные для создаваемой исторической концепции мотивы тем империалистическим державам, которые не могли и не стремились соответствовать пропагандистским представлениям о их целях, что в 1918 г., что во все последующие десятилетия. Это позволило создать масштабную версию истории «внутренней» Гражданской войны даже там, где фактология, казалось бы, исключала даже попытки такого подхода. Для встраивания в идеологизированные версии в исторические труды был перенесен почти без всякого критического осмысления целый ряд пропагандистских конструктов, например, об идейных борцах за мировую революцию из числа военнопленных, так называемых интернационалистах. Пристально искали (и находили) доказательства связи и даже управления действиями лидеров любых антибольшевистских сил из-за рубежа, однако и в этом случае оставались верны желанию свести действия внешних сил к исключительно внутривнутрироссийскому целеполаганию. Сохранилась по сей день и во многом объяснимая, но далеко не всегда оправданная фактологией, антантоцентричность в анализе внешних факторов, в то

время как роль Центральных держав в событиях на далекой восточной периферии была сведена к тем же интернационалистам и к месту «повода» для активных действий Антанты. Истинные мотивы (в том числе иллюзорные) Германии и Австро-Венгрии, оценка ими открывшихся с заключением Брестского мира перспектив оказалась вне рамок анализа, хотя источниковая ситуация оснований к такой «зоне умолчания» давно уже не дает. Это вынуждает к предположению, что основной причиной указанных недостатков являются не объективные трудности, а инерция привычных концепций, постоянно подкрепляемых разработкой все более локальных сюжетов, что считается вполне соответствующим и общемировой историографической манере увлечения так называемыми case-studies.

Сохранению слегка модернизированной советской концепции истории Гражданской войны даже там, где не было и географических оснований для ее протекания, как исключительно внутреннего конфликта, способствовала эволюция и зарубежных исследований. При огромном внимании к Великой войне огромная доля европейской и американской историографии по-прежнему относится к сюжетам, связанным не просто с европейскими, а почти исключительно с Западным театром военных действий. Лишь в начале XXI в. приступили к последовательным усилиям по приданию войне 1914–1918 гг. облика по-настоящему мировой, а не околоевропейской. Однако этот процесс далеко не окончен и по сей день, не взирая на ряд крупных успехов по «открытию» новых полигонов для схватки между Антантой и Центральными державами во всех регионах мира (Streets-Salter, 2019). По политическим причинам не развивавшиеся ранее за пределами социалистического лагеря темы (о тех же интернационалистах) с ликвидацией последнего были попросту закрыты. Сменившие их исследования по истории военнопленных, мигрантов, некомбатантов и различных иных категорий жертв Великой войны (в том числе отечественные) (Иконникова, 2004; Нагорная, 2010; Суржикова, 2014), как правило, существенно смещали акценты с историко-политических на гуманитарные, а пото-

му к положительным сдвигам в истории участие подданных Центральных держав в Гражданской войне на окраинах России не привели². Тема страданий в плену, охотно развиваемая публицистами еще межвоенного периода, обрела новое качество и объемы (Wurzer, 2005), однако от желания подчеркнуть военные свершения солдат и офицеров Четверного союза, оказавшихся лишенными возможности репатриироваться и после Брестского мира, зарубежные специалисты, как правило, предпочитают дистанцироваться, хотя и вынуждены затрагивать ряд аспектов данной проблемы при изучении вопросов долгого возвращения на родину (Nachtigal, 2006). Такое положение особенно бросается в глаза на фоне активного развития исследований по истории ряда других категорий репатриантов, особенно бойцов национальных частей, чехословацких, польских, сербских и др. (Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус..., 2018³; Radziwiłłowicz, 2017).

Наконец, существенной проблемой для выстраивания более полной и менее однозначной версии истории Гражданской войны в ряде регионов России и сопредельных государств, а также для перехода к иному подходу к вопросу о соотношении различных конфликтов на последней стадии Великой войны, затянувшихся до 1923 г. в целом ряде стран (Война во время мира... 2014; Borodziej, Górny, 2018), является трансфер научных достижений и полнота их учета не только на международном уровне, но даже в рамках только российского исторического сообщества. Целый ряд трудов краеведческого характера, имеющих ценные аргументы и факты для более масштабного полотна событий, редко выходит за пределы локальных дискуссий. С другой стороны, местные энтузиасты почти не имеют возможности доказать значимость своей работы по уточнению фактологии и даже по вводу в оборот

² Одним из очень немногих, но ярких исключений является ставшая базовой работа, так и не переведенная за почти 20 лет на русский язык (Leidinger, Moritz, 2003).

³ Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус 1914–1920: Документы и материалы. В 2 т. Том 2. Чехословацкие легионы и Гражданская война в России 1918–1920 / Сост. А.Р. Ефименко. М.: Кучково поле, 2018. 1021 с.

нетривиальных сведений об особенностях тех или иных инцидентов специалистам, занимающимся более общими темами, но часто крайне не точно представляющими себе многие локальные нюансы анализируемых процессов. При взаимном невнимании или искреннем неведении складываются все условия для «переоткрытий» либо неконструктивных дискуссий по заведомо несовместимым версиям с разного уровня методологией и тезисами.

Ценность публикуемого ниже документа не сводится к путевым заметкам или пересказу мало известных страниц истории Великой войны и ее эха в якобы не затронутых ею напрямую странах. Записка австрийского инженера, проехавшего из Китая по Транссибирской магистрали накануне восстания Чехословацкого корпуса, имела вполне практические цели. При общем ее гуманитарном пафосе – попытки спасти соотечественников от депортации из Китая в Австралию – автор ее ставил куда более масштабную задачу: обратить внимание Берлина и Вены на огромный регион. На момент составления документа, в июне, а затем в августе 1918 г. были все основания полагать, что Первая мировая война вскоре окончится победой Германии на континенте, ведь Россия уже повержена, а Франция (и вслед за ней Италия) вскоре будет добита. Это означало – по мнению многих дипломатов и военных – переход к затяжному противостоянию установившей гегемонию в Евразии с талассократиями Запада, которое может в той или иной форме затянуться на десятилетия. Еще в середине 1918 г. закладывалась идея об антибританской и антиамериканской оси Берлин – Москва – Токио⁴, о которой впоследствии будут не раз вспоминать вплоть до июня 1941 г. Огромные возмож-

ности видели в будущей континентальной экспансии и представители деловых кругов, торгового и промышленного капитала, которые и сделали возможной миссию, описанную в документе.

Для оценки не столько реальных перспектив, сколько предполагаемых рядом дипломатов и военных возможностей по воздействию Центральных держав на ситуацию на Дальнем Востоке, необходимо учитывать неоднозначность восприятия участия в войне против германской коалиции не только Китая, но и Японии. Несмотря на ряд разочарований, последовавших с августа 1914 г. (Шацилло, 2015), в Германской империи к 1918 г. продолжали рассчитывать на возможность взаимовыгодного компромисса с Японией. Получаемые известия о разногласиях в лагере Антанты в связи с вопросом о допустимости и масштабах открытой японской интервенции на Дальнем Востоке только усиливали надежды и даже иллюзии скорого разрыва между Токио и Вашингтоном, что откроет дорогу к будущим торгам о разделе сфер влияния в постимперской России. Определенные расчеты строили и на германофильские настроения, особенно сильные в армейской элите Японии. Таким образом, распад Российской империи не только не покончил с прежними иллюзиями Берлина, но даже придал им новый импульс, ведь слишком заманчивыми должны были казаться открывающиеся возможности для экспансии на континенте, которой Германия – в отличие от США и Великобритании – не намерена была мешать. При определенных обстоятельствах в Берлине были даже готовы пожертвовать захваченными Японией колониями на берегах Тихого океана ради ее выхода из Великой войны и хотя бы нейтралитета на ее финальной стадии. У такой «дальневосточной опции» были весьма влиятельные лоббисты в Берлине, в том числе тогдашний глава колониального ведомства В. Зольф, который впоследствии некоторое время возглавлял германскую дипломатию, а в 1920–1928 гг. заложил основы нового и очень конструктивного этапа германо-японских отношений⁵. Кроме того, не

⁴ В этом убеждал германский Адмиралштаб вице-адмирал А. Хопман, который с мая по декабрь 1918 г. из Севастополя координировал все действия Центральных держав в акватории Черного моря, а также участвовал в подготовке экспансии в Закавказье. См. текст его отчета от 13 июня: *Hopman A. Bericht, 13. Juni // Von Brest-Litovsk zur deutschen Novemberrevolution. Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918 / hrsg. von W. Baumgart. Göttingen, 1971. 750 P. P. 517–519.*

⁵ См. целый ряд материалов, в том числе даже о попытках японо-турецких контактов (*Japan und die Mittelmächte...*, 1986). К сожалению, за последующие 30 лет

оставляли без внимания Дальний Восток некогда работавшие там П. фон Хинтце (возглавлявший германскую дипломатию в июле – начале октября 1918 г.), А. Мумм фон Шварценштейн (бывший в 1918 г. послом в Киеве), один из ведущих сотрудников «русского отдела» в АА на протяжении ряда лет А. фон Мальцан и др. Немало было и тех, кто по собственному опыту осознавал широкие перспективы Восточной Азии, и среди военных, хотя далеко не все из них к 1918 г. оставались на важнейших постах. Так, например, лишился должной возможности влиять на германскую политику Э. фон Фалькенгайн, некогда прослуживший в Китае несколько лет как до восстания ихэцзюаней, так и после. В середине 1918 г. он командовал 10-й германской армией, оккупировавшей Литву и Белоруссию, и ни при каких обстоятельствах не смог бы повлиять на решения фактически возглавлявшего германскую Ставку Э. Людендорфа.

Совершенно иного рода, но не менее привлекательными, выглядели и надежды на эффект от поражения и распада Российской империи в Китае и, в частности, на его отношения с Центральными державами. В Берлине и Вене вполне могли надеяться, что устранение российского давления и резкое ослабление позиций России усилит антивоенные и антиантантовские круги в Китае. Последние и до 1918 г., пользуясь слабостью центрального правительства и нарастающим конфликтом военных клик, добивались немалых уступок германским эмиссарам, желавшим рискнуть дальнейшим пребыванием в Китае, несмотря на официальное объявление войны⁶. Как видно, в том числе из текста публикуемого источника, эта авантюра могла дорого стоить оставшимся в Поднебесной подданным Центральных держав.

крупных достижений в исследовании германо-японских контактов накануне и в годы Великой войны обнаружить не удалось. Косвенно эта тема затрагивается некоторыми российскими специалистами (см., напр.: Шулатов, 2014).

⁶ См. ряд документов о положении и предлагаемых перспективах от эмиссаров и подданных Центральных держав в Китае в годы Великой войны (*Deutsch-chinesische Beziehungen 1911–1927...*, 2006. P. 167–182, 335–336, 359–367).

Однако даже как раз к весне 1918 г., а особенно после подписания Брестского мира, не было оснований считать, что у Германии не осталось средств, чтобы воздействовать на позицию или пекинского кабинета или хотя бы части влиятельных китайских военных. Общий рост военного престижа Центральных держав по итогам «победы на Востоке», оформленной в серии мирных договоров в марте–мае 1918 г., мог возыметь определенную проекцию и на Дальнем Востоке. Условием этому были решительные действия не столько военнопленных, сконцентрированных в этом регионе, сколько активная политика Берлина и Вены по закреплению своего влияния всеми имеющимися средствами, в том числе за счет более активного противодействия транспортировке Чехословацкого корпуса. Уже в конце июня 1918 г. представитель от антибольшевистских сил в Сибири вел переговоры с германскими дипломатами в Петрограде и Москве об условиях возможного компромисса⁷. Сведения о возможности успешной инфильтрации агентов почти в любые регионы распавшейся Китайской империи от совершившего уникальное путешествие, спасаясь из Афганистана, молодого германского дипломата В. фон Хентига, пересекшего в 1918 г. всю территорию Поднебесной (Hentig, 1962. S. 185–199), сильно запоздали или затерялись в бумагах на Вильгельмштрассе так же, как в итоге десятки лет лежала в архиве НКВД и публикуемая ниже записка.

Представляется, что при всей предвзятости публикуемого свидетельства о событиях в Восточной Азии, на российском Дальнем Востоке и в Восточной Сибири, в нем содержится ценная информация о позиции Центральных держав в регионе. Интересны не только своеобразные теории заговора относительно истинных целей знаменитой и во много роковой переброски Чехословацкого корпуса во Владивосток, но и оценки проис-

⁷ Соответствующее секретное донесение посла в Москве графа Мирбаха сохранилось, но до сих пор не публиковалось: РА АА. RZ 201/2004. Bl. 23–27а. Именно это позволяет до сих пор полагать А.В. Колчака исключительно верным Антанте политиком.

ходившего в полосе Транссибирской магистрали, общий эмоциональный тон записки, настойчивость автора, его попытка привлечь внимание Берлина и Вены к обстановке в Китае. Очевидно стремление инженера продемонстрировать свою возможную полезность в будущем и, как ему казалось, неизбежном наращивании активности Центральных держав в прежде слабо доступных регионах Евразии, его желание убедить в необходимости срочного вмешательства в обстановку, в том числе по гуманитарным соображениям, а также исходя из уверенности в скором свержении большевиков по всей России, что потребует радикального пересмотра всех прежних ситуативных альянсов и поиска новых партнеров. Разумеется, важен не только факт неточности подобной прогностики, которую тогда, весной – летом 1918 г., разделяли почти все германские эмиссары в Советской России и в государствах-лимитрофах⁸, а то представление о вполне возможных путях новых направлений германской гегемонистской политики в Евразии, которое здесь попытался дать автор, хорошо знакомый с ситуацией на Дальнем Востоке.

При всех очевидных лишь апостериорно ошибках Кляйе (Kleie) в предположениях и оценках его нельзя считать мечтателем или авантюристом. Несмотря на специфическую этику отношений между Венной и Берлином, австрийский инженер не сомневается в том, что для реализации его предложений обращаться следует в первую очередь именно к главе Центральных держав, а потому писал и в германские ведомства. Мотивации придавало и то, что он был офицером запаса прусской армии, то есть некогда был подданным Кайзеррейха, а не Габсбургской монархии. Он далеко не идеалист: при всем его неприятии большевиков, которых он полагал виновниками анархии и трагедии своих соотечественников в плену, он не идеализирует и тех, кто ведет с ними войну

⁸ Массу примеров этого можно найти в трудах В. Баумгарта, опубликовавшего целый корпус источников и изложившего свое пока не имеющее достойной альтернативы видение германской Ostpolitik в 1918 г. (Baumgart, 1966).

за власть. Весьма характерна эмоциональная оценка автором этой записки первого антибольшевистского руководителя Востока России атамана Г.М. Семенова. По его адресу без лишних объяснений сыплются эпитеты: «Известный разбойник», «банды грабителей», «один парень, некто». В этом явный антибольшевик оказывается чуть ли не солидарен с выражениями в адрес атамана, принятыми в советской историографии (Познанский, 1973; Светачев, 1983). Это неплохо иллюстрирует всю сложность расстановки сил вдоль Транссибирской магистрали, переплетение интересов различных держав и местных группировок, которое исключает столь любимые из-за своего удобства бинарные оппозиции при анализе событий.

Особенности хранения данной записки позволяют сделать определенные выводы и предположения о путях ее попадания в архив НКВД, а затем в АВП РФ, а также об общем качестве обработки подобных известий не только в 1918–1919 гг., но и в последовавшие за этим десятилетия. Она сохранилась почти случайно, в громадном и далеко не всегда систематически разобранном фонде Г.В. Чичерина в деле с характерным названием «Австрия. Разное», занимая в нем более 90 % страниц. Надписи на данном экземпляре записки позволяют предположить, что копия публикуемой аналитической записки попала к большевистским дипломатам при выезде из Москвы миссий Центральных держав 7–8 августа 1918 г.⁹, вполне возможно, случайно. Оригинал, судя по всему, был заблаговременно увезен автором, а еще одна копия вывезена сотрудником австро-венгерского генерального консульства, которое возглавлял кадровый дипломат Г. де Поттере. Более вероятен вариант, что эта бумага оказалась в руках НКВД после захвата оставшихся в советской столице дипломатических представительств Австро-Венгрии и Германии уже в ноябре 1918 г., когда – несмотря на отчаянные действия консулов – советским инстанциям досталась по меньшей мере часть дипломатических архивов.

⁹ О причинах этого см., подр.: Ланник, 2020а.

Однако такая версия оставляет вопросы к поставленной на первой странице дате «1918 г. 12 августа». Последняя могла относиться к моменту получения данной записки одним из советских сотрудников, в том числе не обязательно из НКВД, а например из ЧК. Судя по тому, что документ был отнесен к австрийским безотносительно деталей его содержания по-видимому даже первичной обработки его, хотя бы ознакомления с ним сотрудника НКВД, владеющего немецким языком, не состоялось. Это же обстоятельство делает более вероятной версию, что проставленная карандашом дата явилась простым дублированием датировки на последней странице документа, причем произведенным, возможно, при позднейшем формировании и обработке архивного дела, то есть уже в начале 1920-х гг. При пересмотре и реорганизации фондов бывшего НКВД в начале 1950-х гг. данное дело так и не объединили с другими и не оценили содержащуюся в нем информацию на предмет содержания. Именно это и привело к тому, что более века данный документ, по-своему ценный для истории не Австрии, а Дальнего Востока и Китая пролежал в неизвестности в лишь недавно оцифрованных фондах архива внешней политики РФ. Вполне возможно, что ряд иных аналитических записок подобного содержания от подданных Австро-Венгрии и/или Германии, сумевших добраться до посольств или консульств в Москве или иных городах Советской России, так и не был переправлен адресатам, а сгинул в вихре последующих событий, что только усиливает значимость данного документа при попытке реконструировать особый взгляд на перспективы Центральных держав на Дальнем Востоке в тот недолгий исторический период, когда они имели основания рассчитывать на успешную экспансию в прежней российской сфере влияния по всей Евразии¹⁰.

¹⁰ См. о складывавшейся в 1918 г. Брестской системе международных отношений и ее перспективах: Ланник, 2020b. С. 33–70.

* * *

Источник: АВП РФ. Ф. 04. Оп. 1. Д. 3. П. 1. Л. 3–14¹¹.

В императорское и королевское австро-венгерское министерство иностранных дел, Вена¹².

Со дня разрыва дипломатических отношений между Китаем и Центральными державами¹³ подданные Австро-Венгрии и Германии были поглощены вопросом о том, «удастся ли остановить уже катящийся камень».

В первое время царила некоторая нервозность, принимались меры, тогда еще бывшие явно чрезмерными, так что пришлось передавать австро-венгерские и германские концессии китайцам, а находившиеся к тому моменту в Тяньцзине солдаты¹⁴ были интернированы в Пекине,

¹¹ Машинопись со следами небольшой рукописной правки. На бумаге разрывы, однако на читабельности текста это не отражается. Структура и заголовки в оригинале сохранены без изменений.

¹² На первой странице оригинале от руки по-русски: «12 августа 1918 г.». Другим почерком по-немецки: «Von Konsul Dr. Stumvoll mitgenommen nach Wien», то есть: «взято консулом доктором Штумфоллем в Вену». Доктор Ф. Штумфолль в эти месяцы был главой паспортного отдела австро-венгерской миссии в Берлине и мог быть в Москве в командировке по решению различных вопросов паспортного контроля. Характерно, что он в 1909–1912 гг. был на дипломатической работе в Шанхае и Тяньцзине, так что выбор именно его в качестве посредника для передачи документа о Дальнем Востоке не случаен. Скорее всего автор был знаком со Штумфоллем лично.

¹³ Разрыв дипломатических отношений последовал 14 марта 1917 г., объявление Китаем войны Германии и Австро-Венгрии – 14 и 21 августа 1917 г. соответственно. Ухудшение положения подданных Центральных держав происходило постепенно, в том числе благодаря разногласиям в китайских элитах (Deutsch-chinesische Beziehungen 1911–1927..., 2006. S. 121–126).

¹⁴ После подавления восстания ихэцзюаней именно Тяньцзинь окончательно стал основным центром размещения иностранных концессий, обладавших крайне широкой автономией и вооруженной охраной. Об обстановке в Китае в 1900–1919 гг. (История Китая...

однако при этом китайцы постоянно заявляли, что это все лишь «формальности», на которых настаивают антантовские посольства.

Но страны Антанты не успокоились, они были едины в своей цели непременно заставить Китай объявить войну и использовали для этого любые средства: шельмование – подкуп – маскировку воинственных выпадов и т. д. – до тех пор пока наконец в августе 1917 г. не добились своего, причем главную и наиболее коррумпированную роль в этом сыграл премьер-министр Дуань Цижуй¹⁵.

В то время как в 1915 и 1916 гг. австрийские и германские фирмы еще могли продолжать свой бизнес сделками по обходным маршрутам, в основном через Северную Америку, то с объявлением войны, всякие деловые контакты – даже самые мелкие контракты – прекратились.

Уже после разрыва отношений были приняты меры к надзору за австрийцами и немцами, так что поездки теперь были дозволены только при наличии особого паспорта. Кроме того, приходилось лично докладываться китайским властям, ведь они перебрались уже почти на все переданные им концессии. Затем были уволены служащие Тяньцзиньской дороги и таможенники, а вот школы продолжали работу. Закрыли и газеты в Шанхае и в Тяньцзине, зато пока разрешали типографии. В Шанхае англичане настояли на закрытии Немецкого клуба, но в Тяньцзине он еще 13 апреля этого года был открыт.

Вместо газет австрийцы и немцы теперь общались телеграммами, а также получали русские и шведские, а иногда и швейцарские газеты, которые переводились и тем делались доступными более широкому кругу читателей. (Автор этих

строк в течение всей войны вплоть до отъезда в Германию бесплатно переводил из русской прессы для этих газет и для агитации в китайской прессе).

Миссии Антанты настаивали на дальнейших шагах против нас, они требовали интернирования, а то и депортации и принудительного закрытия всех фирм. Было ясно, что они имеют в виду лишь одну цель, а именно полного уничтожения всех позиций Австро-Венгрии и Германии в Китае.

Несмотря на все эти настояния, китайцы поначалу оставались к ним почти глухи, что, однако, следует объяснить не симпатией их к нам, а верной оценкой своего внутривосточного, крайне неустойчивого положения. Однако был отдан строгий запрет на поездки австрийцев и немцев по Китаю, станции взяты под строгую охрану, что, впрочем, не помешало тому, что целый ряд господ и одна дама – благодаря паспортам, сфабрикованным китайцами же – выехали из Китая.

Тогда 6 апреля¹⁶ посланники Англии, Франции и «в первый раз»¹⁷ Японии вместе явились к Дуань Цижую и «строго» потребовали депортировать всех австрийцев и немцев – вместе с женами и детьми – в Австралию, а также принудительной ликвидации всех их фирм, то есть конфискации всего австрийского и германского имущества, оцениваемого в сотни миллионов таэлей – результата напряженной и успешной работы на протяжении 25–30 лет.

Дуань Цижуй – припертый к стенке – уступил, однако заявил, что судов для проведения депортации нет. Но тут вперед вышел японец и заявил, что необходимым тоннажем обладает Япония, которая вполне может его предоставить, ведь и ее правительство желает депортации ав-

Т. 6, 2014. С. 311–376; История Китая... Т. 7. М., 2013. С. 15–58).

¹⁵ Генерал Дуань Цижуй (1865–1936) с апреля 1916 г. по октябрь 1918 г. почти непрерывно возглавлял ряд правительств созданной в 1912 г. Китайской республики, временно исполняя в июле 1917 г. обязанности и ее президента. Был известен прояпонской ориентацией, что вызывало существенное недовольство не только в Китае, но и у ряда держав Антанты.

¹⁶ Уже в 1918 г.

¹⁷ Кавычки авторские. Япония долго уклонялась от дальнейшей эскалации своего конфликта с Центральными державами, не желая наращивать военные усилия в регионах вдали от Восточной Азии. С этим в Германии и Австро-Венгрии связывали огромные надежды, намереваясь при необходимости подкупить Японию согласием на передачу захваченных ею германских колоний, чтобы та вышла из состава Антанты.

стрийцев и немцев, да и американец¹⁸ с этим согласился.

8 апреля известный и в целом прогермански настроенный генерал Чжан Сюнь¹⁹ обратил внимание своего друга господина Кордеса²⁰ на это решение, заявив, что дело теперь уже «гнилое», а потому надо действовать.

Тогда «Дойче банк»²¹ и ряд фирм решили отправить надежного человека в Берлин, который бы сообщил об этом императорскому правительству и запросил бы о проведении контрмер.

Выбор господина Кордеса (и «Дойче банка»), фон Ханнекена и Адо Нольте пал на автора этих строк, ведь у него были наибольшие шансы успешно пробраться, с учетом возраста, совершенного знания русского языка и знакомства с российскими особенностями.

Меня телеграфно вызвали в Пекин и спросили, решусь ли я совершить эту поездку.

Я не колебался ни минуты, вполне осознавая, что на кону стоит благо и судьбы около 7 тысяч австрийцев и немцев, тут же согласившись, хотя предполагал, что если меня задержат в Маньчжурии и обнаружат при мне депеши и письма, то попросту поставят к стенке.

Я заявил, что помимо прямых расходов, не приму в оплату за эту миссию ничего, кроме чего-

нибудь на память, если моя миссия вообще кончится благополучно.

В ночь с 12 на 13-е²² я выехал из Тяньцзиня, и сам факт моего отправления был крайне секретным, об этом знали лишь мои начальники, фрау фон Ханнекен и один из служащих венской фирмы «Каниц и Ко», которого я взял с собой в Германию, ведь он владел русским языком, а также хотел успеть еще принять участие в войне. В Харбине английские таможенники провели строжайшую проверку паспортов, а англичанин, занимавшийся моими бумагами, потребовал «трижды» просмотреть их, почему – не знаю, ведь документы были «в полном порядке».

Так как прямой путь из Харбина в Иркутск был невозможен из-за известного разбойника Семенова, которого газеты, что весьма своеобразно, называют генералом, хотя он на самом деле всего лишь хорунжий, то есть лейтенант²³. Он подорвал рельсы под Даурией, чтобы прикрыть свои банды грабителей от деятельных отрядов большевиков. Поэтому пришлось мне сделать изрядный крюк через Пограничную – Никольск-Уссурийский – Хабаровск, чтобы добраться до Амурской железной дороги, а уже по ней проделать неблизкий путь через Читу в Иркутск.

²² Апреля 1918 г.

²³ Это неверно. Г.М. Семенов уже к 1917 г. стал есаулом, то есть капитаном, а сам себя генералом весной 1918 г. не именовал, претендуя лишь на звание атамана. В чин генерал-майора произведен в июле 1919 г. В январе – феврале 1918 г. по железной дороге по маршруту Ярославль – Иркутск – Харбин – Дайрен проследовали 4000–5000 военнослужащих Сербской бригады, часть которых у станции Маньчжурия вступила в войска Семенова. В составе Семенова были подразделения из бывших военнопленных-сербов из австро-венгерской армии, а потому у офицеров из Центральных держав, намеренных репатриироваться, были основания опасаться семеновцев. См. подр. о югославянском факторе в Гражданской войне, в том числе в Сибири и на Дальнем Востоке: Капустин Л.Г., Ладыгин И.В. Сербские и другие югославянские добровольцы в Сибири в годы Гражданской войны 1918–1922 гг. URL: <http://bsk.nios.ru/content/serbskie-i-drugie-yugoslavjanskije-dobrovolcy-v-sibiri-v-gody-grazhdanskoj-voynu-1918-1922-gg> (дата обращения 18.02.2021); Наумова, Зиновьева, 2018.

¹⁸ То есть дипломатический представитель США.

¹⁹ Чжан Сюнь (1854–1923), китайский генерал. Летом 1917 г. попытался вернуть малолетнего императора Пу И на трон, сформировав правительство. Однако всего через 12 дней монархический путч провалился. Чжан Сюнь вынужден был отказаться от дальнейшей политической карьеры.

²⁰ Генрих Кордес (1866–1927), германский дипломат и банкир. С 1892 г. на дипломатической службе, почти сразу же был отправлен в Китай, где сделал успешную карьеру. Женился на китаянке. В 1900 г. был ранен в ходе убийства германского посла фон Кеттелера, что стало одним из основных поводов к интервенции иностранных держав для подавления восстания ихэтуаней. После 1901 г. уволился с дипломатической службы. Стал директором Немецко-Азиатского банка, сыграл важнейшую роль в развитии германского экономического влияния в Китае вплоть до 1917 г., а частично и после.

²¹ Точнее, Немецко-Азиатский банк.

По Китайской железной дороге – до Никольска-Уссурийского²⁴ – вагоны 1-го класса еще были сносные, а вот оттуда до Хабаровска и дальше они находились в самом прискорбном состоянии. Кроме того, вообще для любых пассажиров из штатских некоторая разница в классе сказывалась лишь при оплате. То есть платить приходилось за 1-й и 2-й классы, а вот доведется ли проехаться именно в таких вагонах – вопрос был уже другой, решение которого зависело от тех или иных проявлений добродушия «товарищей», то есть ехавших тут же солдат. А тут еще и цена билета, превосходившая тариф мирного времени в 7 раз.

Например, мое купе на 4 персоны 1-го класса пришлось делить не только со своим спутником, но и 4 солдатами-«инвалидами», которые еще и занимались контрабандой опиума, как раз для этой цели постоянно – и бесплатно – катаясь между Иркутском и Харбином туда-сюда. При этом железнодорожники не осмеливались запросить у них документы, ведь они ж тоже были «товарищи», что и достаточно было, чтобы они полагались неприкосновенными. Зато благодаря этому и мы с моим спутником оказались под защитой; ведь членов станционных советов, которые постоянно намерены были проверять паспорта и уж особенно тщательно багаж, удавалось быстро отвадить, убедив, что в вагоне едут только «товарищи».

Вот так мы прибыли в Хабаровск, где пришлось пересест на другой поезд, а небольших чаевых по 10 рублей на каждого хватило, чтобы я и мой спутник получили двухместное купе 1-го класса. На другой день я узнал, что в особом международном вагоне едет генеральный уполномоченный короля Швеции – по проблемам военнопленных в Сибири – граф Карл Бонде, которому я представился, сообщил о своей миссии и просил дозволения далее ехать под его защитой, на что он немедленно и самым любезным образом согласился²⁵. Поэтому я тут же перебрался в вагон графа и теперь был в полной безопасности.

²⁴ То есть по участку КВЖД на китайской территории.

²⁵ Характерный пример прогерманской деятельности шведских представителей в Сибири, выразившихся в

Мой переезд весьма пригодился 4 венгерским офицерам. Эти господа были из партии офицеров, которая ехала из Хабаровска в Читу – 1400 офицеров, австрийцев и венгров, – на одной из станций они пошли в деревню купить хлеба, где им и сказали, что их эшелон должен пропустить наш, а когда они вернулись, поезд уже давно ушел. Железнодорожники отказывались отправлять офицеров иначе как 3-м классом²⁶, чему я и положил конец, предложив им наше купе. Кондуктору пришлось с этим согласиться, ведь мы оба на другие места в вагоне не претендовали, так что 4 офицеров были счастливы возможностью вновь поспать, наконец, по-человечески. До этого их пихали в товарные вагоны по 36 человек, так что все время приходилось спать по четверо, а остальным оставалось как-то пристраиваться между багажом. Еще более они счастливы были, когда я щедро снабдил их сигарами, ведь они уже очень, очень давно не видели сигар. Двоих из них звали: ротмистр Арпад фон Бешермейи и лейтенант Коломан фон Пайор, из конного дивизиона императорского королевского 7-го артиллерийского полка.

Кроме этих четверых офицеров от эшелона отстали и еще 2 офицера, господа лейтенанты Деметер фон Лёрентай, из гонведных гусар, и Фишер, драгун. Они представились графу Бонде, который также разместил их в своем вагоне, где и ехали до Иркутска, откуда намеревались выехать домой в эшелоне инвалидов, организованном датским вице-консулом. Должно быть, они уже давно прибыли домой.

том числе в активной критике режима содержания военнопленных в России и различных средствах (в том числе незаконных) смягчить их участь и облегчить побег или обмен на родину. Подр. о деятельности скандинавских дипломатов и Красного Креста в этой сфере (Wurzer, 2005. S. 411–430).

²⁶ Что было недопустимо согласно довоенным представлениям об офицерской чести и достоинстве, которые кадровые военные, особенно в отличавшейся повышенным аристократизмом габсбургской армии пытались соблюдать и в условиях плена. Об особенностях офицерства австро-венгерской армии см.: (Schmitz, 2014).

Из Иркутска до Петрограда²⁷ я уже ехал под видом шведского курьера, на экспрессах. Так как мне достался международный спальный вагон, проверяющие господа из (того или иного) Совета докучали очень редко, а если они становились более настойчивыми, то вполне удовлетворялись тем, что я – «курьер». Да и вообще следует сказать, что Советы на этих станциях обходились с иностранцами весьма осторожно, а вот своих же русских грабили. Так, на Амурской дороге вагон графа, на котором помимо шведского флага был, правда, и Красный Крест, не тронули вовсе, зато ночью отобрали у остальных пассажиров более 35 тысяч рублей. Одна дама, ехавшая в вагоне 1-го класса, имела неосторожность надеть золотые наручные часы, броши и браслеты, так что их попросту отобрали. А у одного бедняги забрали купленные им всего за день до того новые сапоги, зато великодушно позволили оставить себе старые. У еще одного изъяли 25 пар сапог, причем мне объяснили это следующим образом: всякая спекуляция строго запрещена, а потому все, что они забрали, принадлежит Родине.

Прежде чем мы добрались до Байкала, графа предупредили из пункта нашего назначения, что там утвердился в роли местного «владельца» какой-то казачий²⁸ старшина, который грабит всех проезжающих, а русских офицеров подвергает непродолжительному трибуналу. Тогда граф приказал раздать револьверы, однако до дела не дошло, ведь когда мы проезжали эту станцию, господин «комендант» как раз был в отъезде, так

²⁷ В оригинале употребляются, разумеется, традиционные немецкие варианты топонимии, однако при переводе избраны действовавшие на тот момент русские их аналоги: Петроград, Двинск и т. д.

²⁸ В оригинале – ein alter Kosak, по-видимому имеет в виду все же не возраст, а командный пост или должность, а возможно и конкретное звание. Опять характерный пример распространенных в Германии предубеждений в адрес казаков, в годы Великой войны ставших едва ли не синонимом «грабителей», в том числе под влиянием шумной кампании после вторжения русских армий в Восточную Пруссию в августе 1914 г. Здесь большевистский комиссар Дашков назван казаком.

что никого в поезде не тронули, напротив, подчиненные его были крайне вежливы.

Город Иркутск – где я вынужден был дожидаться экспресса 2 суток – находился в прискорбном состоянии. Он сильно пострадал от боев, которые вели при захвате власти большевики, активно применявшие пулеметы. Дома и вывески над лавками были превращены в решето, на улицах постоянно крутилась, вселяя беспокойство, так называемая «анархистская» кавалерия, так что вечером никто не рискнул и носа показать из дома.

Зато большевики в городе и особенно на вокзале вели себя очень корректно. Так, проверка документов началась на станции уже в 7 утра, что при царском правительстве было бы попросту невымыслимо...

Я еще в Чите дал шведскому посланнику в Петрограде²⁹ телеграмму на английском языке, на бланке посольства и за подписью графа Бонде³⁰:

«Франц Урбиг. Дирекции «Дисконто Гезелльшафт» Берлин.

От консула в Пекине Генриха Кордеса сообщают:

Англия и Франция, теперь еще при поддержке Японии и с молчаливого согласия Америки, вынуждают Китай депортировать немцев и австрийцев с женщинами и детьми в Австралию. Вместе с этим планируется принудительно ликвидировать все фирмы, уничтожив на долгие годы нашу торговлю. Единственным действенным путем избежать этой опасности является угроза вышестоящим правительствам контрмерами по принципу талиона в отношении их подданных, находящихся под властью Германии. Требуются немедленные действия. По поручению, инженер Кляйе».

Как я узнал от посланника в Петрограде, эта телеграмма так никогда и не пришла, зато он получил мою телеграмму из Иркутска. Этот текст я

²⁹ Эдварду Брендстрёму, военному атташе, а затем послу в России с 1906 по 1920 г., отцу знаменитого «ангела Сибири» Эльзы Брендстрём.

³⁰ В оригинале приводится ее немецкий перевод.

передал оттуда еще раз, причем осторожности ради и ему, и одновременно графу Мирбаху в Москву³¹. Господин посланник заверил меня, что он немедленно переправил депешу в Берлин, куда она прибыла задолго до моего приезда.

Из Петрограда я выехал в Германию с первым же эшелонном обмениваемых «инвалидов»³². В Пскове поезд был принят командиром бригады³³ с музыкой, а после приветственных речей я тут же доложил ему, сообщив о своей миссии и попросив поскорее передать оригинальный текст телеграммы в Берлин по указанному в ней адресу и во внешнеполитическое ведомство. Это и было сделано. Так же я попросил разрешения покинуть данный эшелон с лицами, подлежащими обмену, чтобы иметь возможность ехать дальше, в Брест-Литовск к генералу Гофману³⁴. Это тоже немед-

ленно было одобрено, и я был отправлен скорым поездом – через Двинск – в Брест-Литовск.

Там я передал господину генералу Гофману письмо от господина фон Ханнекена, а тот обещал мне немедленно принять участие в судьбе немцев и австрийцев, для чего он намерен был связаться с Его Превосходительством Людендорфом³⁵.

Я вряд ли ошибусь, если скажу, что тогда же в связи с переданным мною письмо господина фон Ханнекена в беседе с генералом Гофманом упоминалась угроза такой меры: «Будут депортированы в Месопотамию французские заложники из вновь занятых – на тот момент – областей, говорилось о 1000 человек, а также английские пленные, взятые в ходе недавних на тот момент сражений»³⁶.

Здесь, в Берлине, – что я вынужден признать с сожалением, – мне подали мало надежды, указав на то, что у нас не так много пленных, да и приходится опасаться, что после таких действий существенно ухудшится участь находящихся в руках англичан немцев и австрийцев и т. д. Поэтому я обратился к депутату рейхстага доктору Штреземану³⁷, лидеру национал-либералов, ко-

³¹ Германский посол в Советской России граф Мирбах прибыл в Москву 23 апреля 1918 г., вручив верительные грамоты на следующий день. Так как автор уже знает о его пребывании в Москве, это означает (с учетом скорости распространения информации), что данная телеграмма могла быть отправлена по меньшей мере около 1 мая, а то и несколько позже. В действительности, скорее всего, автор был в Иркутске не ранее середины, а то и конца мая. 6 июля 1918 г. Мирбах был убит в результате покушения.

³² Кавычки авторские. Неизвестно, является ли это в данном случае особенностями орфографии автора или его указанием на то, что в эшелоне были далеко не только увечные. Советская Россия и Центральные державы еще 9–10 февраля 1918 г. после переговоров в Петрограде договорились об обмене ряда категорий военнопленных и интернированных, включая возрастных, тяжело больных и инвалидов. Этот обмен, несмотря на боевые действия, возобновившиеся с 18 февраля, начался почти немедленно и продолжался до поздней осени 1918 г.

³³ Псков с 25 февраля 1918 г. до 25 ноября 1918 г. был оккупирован германскими войсками. Имеется в виду генерал-майор фон Шербенинг, командир 37-й ландверной пехотной бригады, находившейся в Пскове почти весь период его Первой германской оккупации.

³⁴ Генерал-майор Макс Гофман (1869–1927) с лета 1916 г. до января 1919 г. был начальником штаба германского Главнокомандования на Востоке, играя важнейшую роль во всей германской политике на Востоке, в том числе в ходе переговоров в Бресте зимой 1917–18 гг.

³⁵ Генерал от инфантерии Эрих Людендорф (1865–1937) с лета 1916 г. до конца октября 1918 г. занимал пост 1-го генерал-квартирмейстера и фактически возглавлял германскую Ставку, обладая столь широкими возможностями воздействия на политику и экономику, что встречаются утверждения об установлении в этот период в Германии военной диктатуры.

³⁶ 21 марта 1918 г. стартовала серия германских наступлений на Западном фронте, приведшая к ряду тактических и оперативных успехов. Германские войска заняли ряд территорий во Фландрии, Артуа и особенно в Шампани. Угроза выглядит не вполне обдуманной, ведь большая часть Месопотамии, включая Багдад уже к осени 1917 г. была под контролем англо-индийских войск, а планы по отвоеванию региона османскими войсками так и не были реализованы даже частично.

³⁷ Густав Штреземан (1878–1929), был одним из самых влиятельных политиков поздней Германской империи и в годы Веймарской республики, побывав рейхсканцлером и министром иностранных дел. В указанный период он нередко выступал посредником между военными, оппозицией в рейхстаге и германскими дипломатами, выступая в поддержку

торый немедленно выразил готовность озаботиться судьбой немцев и австрийцев в Китае. Кроме того, я направил просьбу о поддержке моей миссии и гофмейстрине Ее Величества Ее Превосходительству графине фон Брокдорф.

Результат через Гаагу³⁸ заключался в том, что англичанам пришлось уступить, ведь иначе угрожали разорвать с ними переговоры. Их принудили отдать контрприказ в последний момент, когда уже готовили грузить австрийцев и немцев вместе с женами и детьми на корабли. Разгоревшаяся по этому поводу буря негодования в английских газетах в Китае была столь мощной, что «Дэйли Ньюс» телеграфировала для «Таймс», что разочарование среди союзников в Китае просто не имеет границ, ведь полагали, что грабеж на сумму явно не менее миллиарда уже практически в кармане. Но не только это, а куда более важно – и сейчас, и позже – то, что «Англия теперь потеряла в Китае лицо» – то есть престиж, – «в последний момент сдав назад», и ничто не могло более засвидетельствовать перед китайцами мощь Центральных держав и бессилие Англии, чем это вынужденное отступление...

Военнопленные³⁹.

В Хабаровске я видел первых пленных, это был вагон с больными и инвалидами под руководством одного австрийского врача. От него я услышал, – и позднее мне подтвердили это в Чите офицеры, – что в Спасской с нетерпением ждут освобождения 18 тысяч австрийских и германских пленных, да и в Шкотово, в 40 верстах за Владивостоком, в Никольске-Уссурийском и во

многих других местах еще чают своего избавления пленные.

Я видел множество отрядов пленных вдоль Амурской железной дороги, которая – как мне рассказали русские техники – идет от Хабаровска до Бочкаревой⁴⁰ по гнилому болоту, а прокладывали ее «только военнопленные»⁴¹. Сама дорога еще не вполне готова к эксплуатации, а потому используется только потому, что один парень, некто Семенов, никого не пропускает, стоя под Маньчжурией⁴². Приходится им⁴³ работать, но все они просят – даже клячат, – чтобы их наконец вызволили из их прискорбного и бедственного положения. На станции Бочкарева как раз расположен один из таких отрядов, а в Благовещенске на Амуре расположен лагерь на несколько тысяч человек.

Пленные, которых заставили работать в этом районе, явно сильно страдают не только от тяжести труда, ведь принуждают выходить на работы даже больных, а тут еще и недостаточное питание, а также крайне нездоровый климат этих болотистых мест. Таковы откровенные утверждения русских техников, которые, словно извиняясь, указали на то, что крайне сложно раздобыть и доставить сюда достаточное количество провианта. Зато они признали, что действительно доходит и до неприемлемых ситуаций, особенно при расчете с пленными, которые должны получать оплату за свой труд, однако на самом деле не получают ни гроша⁴⁴.

За Бочкаревой мы обогнали поезд с 1400 пленными офицерами, в основном австрийцами и венграми. Последние ехали из знаменитого ла-

аннексий и сыграв немалую роль в преодолении ряда политических кризисов в 1916–1918 гг.

³⁸ То есть благодаря посредничеству Нидерландов, нередко вступавших за интересы Германии перед Антантой, даже ценой серьезного недовольства Великобритании.

³⁹ Среди обширной историографии по истории военного плена относительно австро-венгерских военнослужащих, оказавшихся в России, следует особо отметить: (Nachtigal, 2003).

⁴⁰ В оригинале: Botschkarowa. Станция Бочкарево – ныне г. Белогорск Амурской области).

⁴¹ Автор явно цитирует своих собеседников, но данное утверждение совершенно не верно. Большая часть Амурской железной дороги была построена еще до прибытия в регион массы военнопленных.

⁴² То есть станцией Маньчжурия, которую есаул Семенов занимал с февраля до 27 июля 1918 г., а затем с середины августа.

⁴³ То есть отрядам военнопленных.

⁴⁴ В оригинале: «ни геллера».

геря под Красной Речкой, а первых держали в Хабаровске.

В так называемом штрафном лагере Красная Речка содержались исключительно венгры и немцы. Обращались с ними чрезвычайно сурово, например, им нельзя было переходить из одного барака в другой, никогда! Даже окликать друг друга запрещали, ведь иначе на них сразу же орали. (Ротмистр фон Бешермейи и лейтенант Коломан фон Пайор).

А вот австрийским офицерам жилось неплохо, им можно было поселиться на квартирах в городе, гулять по своему усмотрению, даже поддерживать связь с семьей (лейтенант Фишер и лейтенант Деметер фон Лёрентай⁴⁵).

Только после заключения мира офицеры в Красной Речке и в других подобных лагерях получили несколько большую свободу передвижения, однако лишь за несколько дней до их транспортировки им дозволили самостоятельно провести некоторые закупки, причем всегда через посредничество русских, которые их при этом самым наглым образом обманывали.

Явно еще хуже приходилось офицерам в лагере Даурия (7 верст от маньчжурской границы). Этот лагерь находился в крайне безотрадной и пустынной местности (автор этих строк довольно долгое время искал там залежи железной руды), где нет почти ничего и никого. Главный инженер, начальник 2-й дистанции на перегоне Борзя говорил мне дословно: «Как же мы всегда жалели бедняг, однако не могли им помочь, нам запрещали». В этом лагере офицерам даже пришлось собственноручно копать колодцы, чтобы обеспечить себя питьевой водой. Это мне сообщил один сотоварищ из австрийцев, а позднее в Чите подтвердил прусский лейтенант Эльке.

В Чите мы застали полный город военнопленных, австрийских и германских офицеров и

нижних чинов. Последние даже открыли свою пивную, под названием «Даурия», посетителями которой были и офицеры, и солдаты, и гражданские. Там можно было хорошо и дешево поесть, да и еду – особенно с учетом обстоятельств – следует признать вполне хорошей.

Офицеры – ротмистр Баумрукер фон Робельсвальд и лейтенант резерва Эльке, а также другие рассказывали, что в воскресенье утром, 21 апреля, весь офицерский лагерь был окружен «интернациональной красной гвардией» – состоявшей из австрийских немцев и главным образом из венгров, вооруженных пулеметами, а затем днем эта гвардия – свои же солдаты – дочиста ограбила офицеров, а многих из них даже оскорбляли. Всем офицерам пришлось снять знаки различия, у них отобрали денщиков, заметив, что теперь офицеров нет, так что обслуживать они должны себя сами. Один офицер отказался открыть свой чемодан, так что его попросту разбили прикладами. Я сам был свидетелем того, как так называемый ротный в этой гвардии – один венгерский вахмистр – потребовал от лейтенанта фон Лёрентая немедленно снять его петлицы и другие знаки отличия, а так как он не желал этого сделать, то они были попросту оборваны. А этот парень еще и показал на свой пулемет и пригрозил, что даже вагон делегата Красного Креста – то есть графа Бонде – не помешает ему добиться своего.

В то же воскресенье в городе у делегата Красного Креста – шведского ротмистра – было украдено 154 тысячи рублей. Этого офицера, несколько тугого на ухо, в 7 утра, – после того как в соседней комнате схватили, заткнули рот и упрятали в подвал его слугу, – вырвали прямо из постели, приставили ему к голове три револьвера и заставили открыть сейф. Затем ему тоже вставили кляп и переодели – не обращая внимания на его просьбы насчет шубы, – и оставили лежать на полу, при стоявшем морозе в 4 градуса. В этом положении его и обнаружил около 10 утра секретарь.

Такая «интернациональная гвардия» существует почти во всех местах, где есть крупные лаге-

⁴⁵ Выше автор пишет, что лейтенант Деметер был из гонведных гусар, то есть австрийцем (даже при этническом немецком происхождении) он считается никак не мог, ведь гонведные части комплектовались подданными Транслейтании, венгерской части двуединой монархии.

ря – в Омске и т. д. В Красноярске этой гвардией командует прусский унтер-офицер-одногодичник⁴⁶.

Большинство заставил вступить в нее главным образом голод, ведь в Омске я видел одного германского солдата в самом жалком состоянии, который на вопрос о причинах его ужасного вида, ответил, что ему приходится выживать на один фунт хлеба в день, ведь он отказывается вступить в красную гвардию. То же подтвердили мне и многие офицеры, добавившие, что бойцов интернациональной гвардии кормят так хорошо и обильно, что иногo и желать нельзя, да еще платят им по 50 рублей в месяц.

Императорское германское правительство потребовало, чтобы эта интернациональная красная гвардия была разоружена. Из Москвы будто бы отдали об этом приказ, однако его встретили здесь одними насмешками, ведь каждый знает будто бы наверняка, что Троцкий это приказывал не всерьез. Это доказывает, что данная гвардия существует и сегодня, сражаясь с чехословаками, ведь те австро-венгерские и германские военнопленные, против которых ныне Англия призвала на помощь Японию, это, безусловно, как раз эти люди, завербованные агентами Троцкого и ныне вступившие в красную гвардию.

Неплохо живут австро-венгерские офицеры (1400 человек) и около 4 тысяч нижних чинов в лагерях в Верхнеудинске и в Березовке. В офицерской кантине можно дешево и хорошо питаться: обед из двух блюд стоит 1 рубль 75 копеек,

⁴⁶ То есть поступивший на службу добровольцем претендент на сдачу – после года службы – экзамена на офицерский чин. В течение года он повышался в звании до унтер-офицера. В данном случае имеется в виду доброволец, не успевший до пленения выслужить положенный срок, а потому не ставший офицером. Ближайший русский аналог – вольноопределяющийся в унтер-офицерском чине. Привлечение инструкторами пленных офицеров и унтер-офицеров признавала и советская историография, в том числе работы, где критиковалась общая мифологизация объема движения т.н. «интернационалистов» на Дальнем Востоке и в Сибири. См., напр.: (Познанский, 1973. С. 95–96, 109–111.

бутылка сносного пива – 45 копеек. Да и солдаты из разных барачков в ответ на мои вопросы сообщали, что едой вполне можно довольствоваться. Обе группы как офицеры, так и нижние чины, коротают время занятиями музыкой и театром. Мы как-то присутствовали на представлении солдатской труппы, – давали «Весенний ветер», – и я мог только подтвердить, что все удалось, а актеры играли с удовольствием и любовью к делу, даже несмотря на вполне подходящие по высоте тона голоса у «дам». Такая труппа с музыкальным сопровождением смогла бы успешно выступать в любом провинциальном городе. Театр, рассчитанный примерно на 600 зрителей, был заполнен до последнего места, а публика – в том числе немало русских, и настоящие светские дамы – осталась вполне довольна.

Я полагаю, что должен отметить относительно эвакуации военнопленных, что работа идет крайне медленно, хотя шведские эмиссары прилагают очень большие усилия, однако же занимающие высшие посты русские действуют недостаточно энергично. Как правило, поступают жалобы на дефицит вагонов, хотя на запасных путях виднеются стоящие сотни «теплушек», да и Троцкий вполне смог найти вагоны, чтобы отправить на Дальний Восток многие тысячи чехословаков, ведь только по Амурской дороге мне навстречу проехало около 10 тысяч их. Я знаю местных жителей, знаю язык, на котором с ними надо разговаривать, а уж тем более то, каковы нынешние так называемые правители этой страны. Тут нужно не жалеть денег, и тогда многие, многие тысячи наших несчастных уже могли бы быть дома, вместо того чтобы, вполне вероятно, долгое время подвергаться всем неурядицам и хаосу в тамошней местности. Следует оказывать хотя бы малейшую помощь, ведь «Вспомогательную акцию Тяньцзиня» по требованию англичан с 1 мая китайцам пришлось закрыть⁴⁷.

⁴⁷ По другим данным это было сделано только с 31 мая 1918 г. (Krasser, 2015. S. 128–145).

Вспомогательная акция фрау Эльзы фон Ханнекен.

Смогла выручить многие сотни тысяч австрийских и германских военнопленных и интернированных, спасая жизни тысячам из этих попавших в беду людей. Эта миссия и имя «тетушки фон Ханнекен» – как ее прозвали австро-венгерские военнопленные в Сибири (ведь Эльза фон Ханнекен – уроженка Австрии), – станет одной из самых прекрасных страниц человеколюбия и самопожертвования ради блага военнопленных за всю историю этой самой ужасной и кровопролитной из всех войн. И до тех пор пока жив хотя бы один из тех бедняг, кто мучается на чудовищных заснеженных полях Сибири, – а уж автор-то этих строк вполне знает, о чем пишет, – имя Эльзы фон Ханнекен не будет забыто, ведь его с благодарностью поминают в молитвах. Надо было видеть, каким блеском вспыхивали глаза тех, кому я передавал привет от этой дамы и сколь печальны были все – от старших офицеров до последнего солдата, – когда граф Бонде получил в Чите телеграмму, что «столь благочестивым» англичанам удалось-таки добиться закрытия с 1 мая этой вспомогательной организации. Ведь она давно уже была им словно бревно в глазу, так что они преследовали ее самым беспощадным образом, пользуясь для этого в Тяньцзине любой возможностью. Сколь многие затем спрашивали меня «Что же с нами теперь будет? Кто же поможет нам? Сколько же нам здесь оставаться? Если бы нам только можно было домой – да мы пешком пошли, только бы прочь отсюда»...

Когда пришли первые сообщения из Сибири о лишенных всего и вся пленных, фрау фон Ханнекен тут же выступила с инициативой: «Мы должны помочь беднякам», – воскликнула она⁴⁸. Она обратилась во все инстанции в Сибири, в каждое полицейское управление (автор этих строк написал русские адреса на сотнях почтовых карточек), она отправила туда с крупными суммами

трех американских профессоров (к сожалению, один из них – Фуллер – расценил столь серьезную миссию как увеселительную поездку)⁴⁹, чтобы доставить нуждающимся первую помощь и проложить каналы, по которым можно было бы регулярно направлять им вспомоществование. После того как американцы вернулись, фрау фон Ханнекен обратилась в Русско-Азиатский банк в Тяньцзине, чтобы через него «надежно» переводить деньги в Сибирь. Тогдашний поверенный в делах банка – Карл Кляйе – позднее ставший директором банка в Чанчуне (Маньчжурия), – осуществлял переводы, а директор иркутского отделения Русско-Азиатского банка господин фон Витте – кузен графа Витте, – переводил деньги по различным филиалам в Сибири. Там и выплачивали деньги представителям из лагерей. (Впоследствии за это обоих господ по запросу русского генерального консула в Тяньцзине Тидеманна уволили со службы «за оказание помощи врагу». Таковы были начатки «Тяньцзиньской вспомогательной акции», позднее набравшей столь значительные обороты давшей работу массе служащих, в основном, из нуждавшихся в заработке беженцев.

С утра до вечера фрау фон Ханнекен оставалась на службе устроенного ею же предприятия, лично вскрывая каждое письмо и отдавая соответствующие распоряжения. Кто же теперь ждал над беднягами, при установившемся ныне под английским управлением хаосе?

Я хотел бы дать лишь несколько примеров того, как обращаются с пленными, для чего проведу такое сравнение. Здесь в Германии я посетил два лагеря военнопленных – в Херслебене и в Деренбурге под Хальберштадтом. У русских и французов прекрасные, просторные помещения, у каждого – отдельная кровать с пуховым одеялом, хотя они всего лишь простые сельскохозяй-

⁴⁸ Начало «Вспомогательной акции Тяньцзинь» было положено еще в октябре 1914 г. См.: (Wurzer, 2005. S. 436–438).

⁴⁹ США объявили войну Австро-Венгрии лишь в декабре 1917 г., так что посредничеством американцев фрау фон Ханнекен могла пользоваться по меньшей мере до лета 1917 г.

ственные рабочие⁵⁰. В Сибири же офицерам приходится лежать на голых досках, а укрыться им нечем, не считая того, чем удалось разжиться самостоятельно или приобрести со временем на свои средства. Даурия – по-видимому самый ужасный лагерь во всей Восточной Сибири от Новониколаевска. Люди в нем умирают от тифа сотнями, о несчастных никто не заботится, они испускают дух, лежа в собственных нечистотах. Однако самые тяжкие преступления допущены в отношении тех пленных, кого заставили работать на строительстве Мурманской магистрали⁵¹. Ротмистр Баумрукер фон Робельсвальд – из драгун – получил оттуда письмо, которое он намерен позднее опубликовать, согласно которому там погибают «более 75 %» пленных⁵².

Весьма своеобразной креатурой был, видимо, первый комендант в лагере под Красноярском, ведь он насчет военнопленных офицеров – особенно германских – всегда выражался так: «Для этого сброда у меня только темницы».

⁵⁰ Автор сознательно закрывает глаза на крайне тяжелое положение российских военнопленных в лагерях Центральных держав. Смертность нижних чинов, в том числе от туберкулеза, была крайне высока, наблюдалось массовое истощение от голода. Ни о каких отдельных кроватях и пуховых одеялах не было и речи. Подобные условия гарантировались лишь старшему и высшему офицерскому составу и только до тех пор, пока не последовала серия взаимных репрессий в отношении военнопленных. Подр. см.: (Нагорная, 2010. С. 99–133; Гуцин, 2020. С. 131–160).

⁵¹ Оно продолжалось главным образом с конца 1915 по середину 1917 гг. Военнопленные были задействованы на протяжении большей части этого срока, многие из них совершили побеги (Нахтигаль, 2011).

⁵² Даже при крайне резких оценках условий содержания в российском плену в современной европейской историографии данная цифра представляется завышенной в разы. Она нередко сопоставляется с данными относительно смертности в германском плену, однако при этом даже в новейших исследованиях руководствуются статистикой из работы, выполненной по заказу министерства рейхсвера еще в 1921 г., что характеризует и полноту, и беспристрастность предоставляемых данных (см.: Doegen, 1921. S. 56–57).

Чехословаки.

Я уже отмечал, что на Амурской железной дороге, а именно между Хабаровском и Бочкаревой, навстречу мне проехали якобы 10 тысяч человек в 10 эшелонах. Все эти люди были очень хорошо одеты и накормлены, оружия при них я не видел, даже у офицеров. Мы узнали – и от офицеров, и от солдат, – что они поедут на фронт во Францию, куда будут доставлены через Южную Америку. Кроме того и то, что их будто бы всего 50 тысяч, командует ими французский генерал⁵³, они подразделяются на 3 дивизии, из которых 2 уже сформировано и находятся в пути, а третья продолжает комплектоваться.

Эти данные – сообщаемые людьми, которые в них вполне верили, – являются абсолютным нонсенсом, ведь где бы взяли тоннаж для такого количества войск. На всем дальневосточном побережье наберется способных на рейс в Америку судов совокупностью вместимостью едва в 20 тысяч тонн, не считая немногочисленных японских пароходов. Поэтому у этих войск явно иная цель.

В моем отчете в королевское прусское военное министерство от 23 мая, а также в императорское и королевское министерство иностранных дел от 28 мая – возвращенном мне цензурой – указывалось, что в феврале сего года в Тяньцзинь было доставлено около 3 тысяч «ирредентистов», которые якобы тоже должны были ехать во Францию. Однако спустя короткое время они сменили в качестве полиции американцев, которые отправились в Маньчжурию.

Таким образом, Антанта планировала устроить силами этих людей нечто совершенно особенное, ведь в Харбине я видел еще 500–600 бельгийцев⁵⁴, и все они указывали одинаковую цель поездки.

⁵³ Имеется в виду формально возглавлявший Чехословацкий корпус, объявленный частью французской армии, глава французской военной миссии в России генерал Ж. Лавернь (Галкина, 2020).

⁵⁴ Масштабы бельгийских военных миссий в России оцениваются как куда более скромные, хотя весной

Граф Бонде и я тогда сочли, что все эти войска должны быть направлены только против большевиков, и что предположительно они придут на смену люмпенам и уголовникам из отрядов Семенова. Ведь последние при первых же большевистских гранатах разбегутся как зайцы, о чем нам сообщили венгерские и германские офицеры, которые видели бои, разгоревшиеся неподалеку от офицерского лагеря военнопленных Даурия.

Тогда в Чите – 22 и 23 апреля – мы беседовали с целым рядом офицеров об этих перебросках войск. О них явно должно было быть известно нынешним правителям – особенно Троцкому. Эти офицеры были ближе к истине, что и показывают нынешние действия Антанты в Сибири.

21 июня об этом было доложено во внешнеполитическое ведомство в Берлине⁵⁵.

Относительно взятия Омска⁵⁶ и других станций на Транссибирской магистрали чехословаками я позволю себе обратить внимание на следующее:

Примерно через месяц после заключения мира в Брест-Литовске, годами находившиеся на английском жалованье харбинские «Новости жизни» стали указывать на то, какая опасность угрожает России, если немцы начнут все дальше продвигаться в Сибирь. Заявлялось, что Германия с помощью Советского правительства с легкостью сможет вооружить своих и австро-венгерских военнопленных, занять магистраль и таким образом взять под свой контроль сообщение с Сибирью.

Затем тон статей харбинских и владивостокских газет стал все более беспокойным, писали, что военнопленные «уже вооружены» и «заняли маги-

страль», а Иркутск, якобы, уже в их руках. А вот в иркутской «Сибирь» – ведь ее английскими деньгами не снабжали – об этом не было ни слова.

В начале февраля из китайского Тяньцзиня в Иркутск приехал французский консул Буржуа, якобы, чтобы выяснить, как именно в ходе боев в городе между большевиками и юнкерами был убит агент французского консульства. Все это была совершенная ложь, ведь с агентом ровно ничего не случилось, он спустя короткое время объявился в Харбине жив и здоров, где и был назначен консулом. А вот господин Буржуа очень скоро уже был назначен генеральным консулом в Иркутске, да и в Русско-Азиатском банке в Тяньцзине с момента его отъезда уже знали, что он отправился в Иркутск «с секретной чрезвычайно важной миссией». (Зять господина Буржуа – Бэндинелл (англичанин) – поверенный в делах в банке, а мой сын – Карл Кляйе – долгие годы служил на этой же должности в Тяньцзине, пока ему не пришлось уволиться оттуда за то, что он – немец).

Поэтому все цитируемые выше сенсационные известия шли от мсье Буржуа, либо от англичан и по их приказу транслировались в мир через «Tientsin&Peking Times», а также «Daily News», откуда их перепечатывали и русские газеты.

Тогда потребовали, чтобы вмешались японцы, однако неудачно, ведь их время еще не пришло.

К тому моменту в Харбин прибыл крупный русский финансист Путилов⁵⁷, за голову которого большевики назначали 2 миллиона награды. Кроме того, там же был и адмирал Колчак⁵⁸ и другие представители русской высшей буржуазии. В Харбине и Пекине постоянно шли переговоры, хотя в печать из них не просочилось и пол-

1918 г. корпус бельгийских броневиков действительно перебрасывался во Владивосток (Бойен, 2006).

⁵⁵ Автор имеет в виду упоминавшееся выше донесение графа Мирбаха, о котором он, видимо, был осведомлен. В нем в том числе упоминалось о том, что великий князь Михаил (расстрелянный еще 13 июня 1918 г.) бежал в Омск и намерен с помощью Антанты бороться за трон. Возможно, данное донесение было частично основано на свидетельствах именно этого эмиссара из Китая.

⁵⁶ Омск был захвачен антибольшевистскими силами 6–7 июня 1918 г.

⁵⁷ А.И. Путилов (1866–1940), сыгравший большую роль в подготовке Корниловского мятежа, перешел на нелегальное положение сразу же после его провала в начале сентября 1917 г. Возглавляя Русско-Азиатский банк с 1910 г. Путилов выехал на Дальний Восток, где сыграл крупную роль в финансировании местных антибольшевистских сил и в их связях с Антантой. В дальнейшем жил в эмиграции.

⁵⁸ В оригинале: Kolschag.

слова. Господин Путилов, генерал Хорват, Колчак, граф Езерский⁵⁹ и другие постоянно разъезжали между Харбином и Пекином. Я сам выехал 9 апреля из Тяньцзиня в Пекин в одном вагоне с Путиловым, генералом Хорватом, адмиралом Колчаком и графом Езерским (причем с Путиловым, Хорватом и Езерским, главным управляющим Русско-Азиатского банка в Китае и Японии я был знаком лично).

21 июня в своем отчете я указал, что столь долго и систематически подготавливаемая атака на большевиков, «правильная» контрреволюция не может иметь ничего общего с неким местным мятежом чехословаков, как это любят представлять в газетах. Я тогда сомневался в том, что Троцкому удастся быстро восстановить порядок в ходе переговоров с чехословаками. И я оказался прав.

При этом мне вспоминается и еще один момент. Утром 10 апреля в русской миссии состоялась очень резкая стычка с генеральным консулом Розовым насчет моего сына, которому при его увольнении из Русско-Азиатского банка не отдали документы. Я потребовал вернуть все бумаги и указал при этом на заключенный между Германией и Россией мир, на что господин Розов ответил мне: «Какой еще мир?», а я ему: «Что это за мир – не Ваше и не мое дело, однако факт в том, что мир подписан, и у Вас нет более права изымать документы моего сына». На это господин Розов ответил мне дословно: «Мир, ну, подождите, что там еще будет»⁶⁰. Я полагаю, что эти – пусть и не обдуманно – слова господина, высказанные 10 апреля, вполне ясно отражают намерения Антанты.

Далее 21 июня я указал еще и на то, что Советское правительство в Москве и Петрограде едва ли пока ощутило, что любой местный мел-

кий Совет давно вытворяет, что ему угодно, – что и доказала казнь бывшего царя⁶¹.

Уже 21 июня я выразил мнение, что господа Ленин и Троцкий сотоварищи уже давно проигрались, так что к власти придет другое правительство, но кто же?

Народ ненавидит большевиков, а особенно крестьяне. Об этом я лично слышал как в Сибири, так и в России от самых различных кругов, но при этом представители образованных классов тосковали «по немцам», которые восстановят, наконец, порядок и спокойствие. Сколько же высших чинов, офицеров, говорили мне: «Когда же наконец придут ваши», ведь даже в Маньчжурии я слышал это от главного контролера на Китайской Восточной железной дороге, который добавил: «Мы Вас с распростертыми объятиями встретим». «Буржуазия», то есть имущие слои, особенно те, кто смог изрядно обогатиться на военных заказах, разумеется, ставят на Антанту, ведь они надеются на новую прибыль тем же путем.

В одном, однако, едина вся Россия, что верхи, что низы, богатые и бедные – ни один человек не желает признавать Брест-Литовск⁶².

Берлин-Лихтерфельде-Вест, Альбрехтштрассе, 15,

12 августа 1918 г.

Подпись (от руки, неразборчиво)⁶³, горный инженер и королевский прусский лейтенант в отставке.

⁶¹ В Германии достаточно быстро и без должного исследования вопроса пришли к выводу, что казнь императорской фамилии в Екатеринбурге стала неожиданностью для Совнаркома, ведь намерение ее провести не раз опровергали через прессу сами большевики, а советский полпред Иоффе был новостью о расправе заметно обескуражен, узнав о случившемся от германской стороны. Ряд документов из германского дипломатического архива (РА АА) до сих пор не публиковался, фрагменты донесений Иоффе из Берлина см.: Скорбный путь Романовых (1917–1918 гг.). Гибель царской семьи / Сб. док-тов и материалов. АНИР. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 7. 318 с. С. 214, 229.

⁶² То есть Брест-Литовский мирный договор от 3 марта 1918 г.

⁶³ Она представляет собой вензель, который должен обозначать фамилию – Кляйе и инициал имени.

⁵⁹ Граф В.С. Езерский был затем членом правления КВЖД, которой в течение более 15 лет, с момента пуска в эксплуатацию руководил генерал-лейтенант Д.Л. Хорват.

⁶⁰ В оригинале приведена транскрипция латиницей: «Mir – na podoschditje schto tam jescho budet», а также перевод на немецкий.

Библиографический список

Бойен Р. Бельгийский корпус броневиков в Русской армии // Последняя война Российской империи / под ред. В.П. Козлова. М.: Наука, 2006. С. 226–232.

Война во время мира: Военизированные конфликты после Первой мировой войны 1917–1923 : сб. стат. / под ред. Р. Герварта и Д. Хорна. М.: НЛО, 2014. 397 с.

Галкина Ю.М. Французская военная миссия в России в событиях 1917–1918 гг. // Русский сборник. Т. 28. М.: Модест Колеров, 2020. С. 162–212.

Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии / под ред. В.В. Калашникова. СПб.: ЛЭТИ, 2018. 407 с.

Гущин Ф.А. Жертвы стальных гроз. Пленные и погибшие генералы Российской императорской армии 1914–1917. М.: Кучково поле, 2020. 520 с.

Иконникова Т.Я. Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914–1918 гг.). Хабаровск: Изд-во Хабаровского государственного педагогического университета, 2004. 177 с.

История Китая с древнейших времен до начала XXI в.: в 10 т. / под ред. С.Л. Тихвинского. М., 2013–2020.

Ланник Л.В. Миссия Гельфериха в Москве: забытая флуктуация советско-германских отношений летом 1918 г. // Россия и современный мир. 2020а. № 4. С. 189–212.

Ланник Л.В. После Российской империи. Германская оккупация 1918 г. СПб.: Евразия, 2020b. 528 с.

Нагорная О.С. Другой военный опыт: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М.: Новый хронограф, 2010. 440 с.

Наумова Н.И., Зиновьева В.И. Югославы в политике белогвардейских правительств, 1918–1920 гг. // Славянский мир в условиях современных вызовов. Русин. 2018. № 54. С. 211–229.

Нахтигаль Р. Мурманская железная дорога (1915–1919 годы): военная необходимость и экономические соображения. СПб.: Нестор-История, 2011. 318 с.

Познанский В.С. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917–1918 гг. Новосибирск: Наука, 1973. 310 с.

Россия в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии / отв. ред. Д.Б. Павлов. М.; СПб.: ЦГИ, 2018. 607 с.

Светачев М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Новосибирск: Наука, 1983. 334 с.

References

Boien R. (2006) The Belgian Armored Car Corps in the Russian Army. *Poslednyaya voina Rossiiskoi imperii = The Last War of the Russian Empire*. Moscow: Nauka. P. 226–232. (In Russ.)

Gervart. R., Khorn D. (2014) War in Time of Peace: Paramilitary conflicts after the First World War 1917–1923. Moscow: NLO. 397 p. (In Russ.)

Galkina Yu.M. (2020) French Military Mission in Russia during the events of 1917–1918. *Russkii sbornik = Russian Collection*. Vol. 28. Moscow: Modest Kolerov. P. 162–212. (In Russ.)

Kalashnikov V.V. (2018) The Russian Civil War: a look through 100 years. Problems of history and historiography. St. Petersburg: LETI. 407 p. (In Russ.)

Gushchin F.A. (2020) Victims of storms of steel. Captured and dead generals of the Russian Imperial Army 1914–1917. Moscow: Kuchkovo pole. 520 p. (In Russ.)

Ikonnikova T.Ya. (2004) Prisoners of war of the First World War in the Russian Far East (1914–1918). Khabarovsk: Khabarovsk State Pedagogical University. 177 p. (In Russ.)

Tikhvinskiy S.L. (2013–2020) The history of China from ancient times to the beginning of the XXI century: in 10 Vol. Moscow. (In Russ.)

Lannik L.V. (2020a) The Helfferich Mission in Moscow: a forgotten episode in Soviet-German relations in summer 1918. *Rossiya i sovremenniy mir = Russia and Modern World*. No. 4. P. 189–212. (In Russ.)

Lannik L.V. (2020b) After the Russian Empire. The German occupation in 1918. St. Petersburg: Evraziya. 528 p. (In Russ.)

Nagornaya O.S. (2010) Other military experience: Russian prisoners of war of the First World War in Germany (1914–1922). Moscow: Novyi khronograf. 440 p. (In Russ.)

Naumova N.I., Zinov'eva V.I. (2018) The Yugoslavians in the politics of the White Guard governments, 1918–1920. *Slavyanskii mir v usloviyakh sovremennykh vyzovov = Slavic World in the conditions of modern challenges*. Rusin. No. 54. P. 211–229. (In Russ.)

Nakhtigal' R. (2011) Murmansk Railway (1915–1919): military necessity and economic considerations. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 318 p. (In Russ.)

Poznanskiy V.S. (1973) Essays on the History of the Armed struggle of the Soviets of Siberia with the counter-revolution in 1917–1918. Novosibirsk: Nauka. 310 p. (In Russ.)

Pavlov D.B. (2018) Russia during the Civil War of 1917–1922: Essays on History and Historiography. Moscow; St. Petersburg: TsGI. 607 p. (In Russ.)

Svetachev M.I. (1983) Imperialist intervention in Siberia and the Far East (1918–1922). Novosibirsk: Nauka. 334 p. (In Russ.)

Суржикова Н.В. Военный плен в русской провинции. М.: РОССПЭН, 2014. 418 с.

Шацилло В.К. Берлин и японская «политика надувательства» (к вопросу о германо-японских сепаратных переговорах в 1916 г.) // Первая мировая война – пролог XX века. Ч. 2. М., 2015. С. 95–106.

Шулатов Я.А. Борьба с германским шпионажем на Дальнем Востоке во время Первой мировой войны: российско-японское сотрудничество // Россия и АТР. 2014. № 2. С. 33–51.

Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; München: Oldenbourg, 1966. 462 S.

Borodziej W., Górný M. Der vergessene Weltkrieg. Europas Osten 1912–1923: 2 Bände / aus dem Poln. von B. Hartmann. Darmstadt: Theiss, 2018. 960 S.

Deutsch-chinesische Beziehungen 1911–1927. Vom Kolonialismus zur „Gleichberechtigung“. Eine Quellensammlung / hrsg. von M. Leutner: De Gruyter. B., 2006. 508 S.

Doegen W. Kriegsgefangenen Völker. Bd. 1. Der Kriegsgefangenen Haltung und Schicksal in Deutschland / bearb. und hrsg. im Auftrage des Reichswehrministeriums. B.: Verl. Für Politik und Wirtschaft, 1921. 337 S.

Hentig W.O. Mein Leben, eine Dienstreise. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 1962. 497 S.

Japan und die Mittelmächte im Ersten Weltkrieg und in zwanziger Jahren / hrsg. von J. Kreiner. Bonn: Bouvier, 1986. 253 S.

Krasser J. K.u.K. in Ostasien. 1900–1922. Graz: J. Krasser, 2015. 255 S.

Leidinger H., Moritz V. Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr: die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917–1920. Wien; Köln; Weimar: Böhlau, 2003. 754 S.

Nachtigal R. Die Repatriierung der Mittelmächte-Kriegsgefangenen aus dem revolutionären Russland. Heimkehr zwischen Agitation, Bürgerkrieg und Intervention 1918–1922 // Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs / hrsg. von J. Oltmer. Paderborn u.a., 2006. S. 239–266.

Nachtigal R. Rußland und seine österreichisch-ungarischen Kriegsgefangenen: 1914–1918. Remshalden: Greiner, 2003. 391 S.

Radziwiłłowicz D. Żołnierze 5 Dywizji Strzelców Polskich w bolszewickiej niewoli i ich repatriacja // Przegląd Wschodnioeuropejski. VIII/1. Olsztyn, 2017. S. 23–43.

Schmitz M. „Als ob die Welt aus den Fugen dinge“. Kriegserfahrungen österreichisch-ungarischer Offiziere 1914–18. Paderborn; Schöningh, 2014. 434 S.

Streets-Salter H. Colonialism and Anticolonialism in an Era of Global Conflict. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2019. 233 P.

Surzhikova N.V. (2014) Military captivity in the Russian province. Moscow: ROSSPEN. 418 p. (In Russ.)

Shatsillo V.K. (2015) Berlin and the Japanese "policy of swindling" (on the issue of German-Japanese separate negotiations in 1916). *Pervaya mirovaya voina – prolog XX veka = World War I – Prologue of the XX Century*. Moscow. Pt. 2. P. 95–106. (In Russ.)

Shulatov Ya.A. (2014) The fight against German espionage in the Far East during the First World War: Russian-Japanese cooperation. *Rossiya i ATR = Russia and the Asia-Pacific Region*. No. 2. P. 33–51. (In Russ.)

Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien; München: Oldenbourg, 1966. 462 S.

Borodziej W., Górný M. Der vergessene Weltkrieg. Europas Osten 1912–1923: 2 Bde / aus dem Poln. von B. Hartmann. Darmstadt: Theiss, 2018.

Deutsch-chinesische Beziehungen 1911–1927. Vom Kolonialismus zur „Gleichberechtigung“. Eine Quellensammlung / hrsg. von M. Leutner: De Gruyter. B., 2006. 508 S.

Doegen W. Kriegsgefangenen Völker. Bd. 1. Der Kriegsgefangenen Haltung und Schicksal in Deutschland / bearb. und hrsg. im Auftrage des Reichswehrministeriums. B.: Verl. Für Politik und Wirtschaft, 1921. 337 S.

Hentig W.O. Mein Leben, eine Dienstreise. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 1962. 497 S.

Japan und die Mittelmächte im Ersten Weltkrieg und in zwanziger Jahren / hrsg. von J. Kreiner. Bonn: Bouvier, 1986. 253 S.

Krasser J. K.u.K. in Ostasien. 1900–1922. Graz: J. Krasser, 2015. 255 S.

Leidinger H., Moritz V. Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr: die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917–1920. Wien; Köln; Weimar: Böhlau, 2003. 754 S.

Nachtigal R. Die Repatriierung der Mittelmächte-Kriegsgefangenen aus dem revolutionären Russland. Heimkehr zwischen Agitation, Bürgerkrieg und Intervention 1918–1922 // Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs / hrsg. von J. Oltmer. Paderborn u.a., 2006. S. 239–266.

Nachtigal R. Rußland und seine österreichisch-ungarischen Kriegsgefangenen: 1914–1918. Remshalden: Greiner, 2003. 391 S.

Radziwiłłowicz D. Żołnierze 5 Dywizji Strzelców Polskich w bolszewickiej niewoli i ich repatriacja // Przegląd Wschodnioeuropejski. VIII/1. Olsztyn, 2017. S. 23–43.

Schmitz M. „Als ob die Welt aus den Fugen dinge“. Kriegserfahrungen österreichisch-ungarischer Offiziere 1914–18. Paderborn; Schöningh, 2014. 434 S.

Streets-Salter H. Colonialism and Anticolonialism in an Era of Global Conflict. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2019. 233 P.

Von Brest-Litovsk zur deutschen Novemberrevolution. Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918 / hrsg. von W. Baumgart. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 1971. 750 S.

Wurzer G. Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Russland im ersten Weltkrieg. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 2005. 626 S.

Сведения об авторе

Ланник Леонтий Владимирович,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт всеобщей истории РАН,
119334, г. Москва, Ленинский пр., 32а, Россия,
✉ e-mail: leo-lannik@yandex.ru

Заявленный вклад автора

Л.В. Ланник выполнил исследовательскую работу, перевел источник, откомментировал его и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 18 февраля 2021 г.
Поступила после рецензирования и доработки
2 марта 2021 г.
Принята к публикации 9 марта 2021 г.

Von Brest-Litovsk zur deutschen Novemberrevolution. Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918 / hrsg. von W. Baumgart. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 1971. 750 S.

Wurzer G. Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Russland im ersten Weltkrieg. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 2005. 626 S.

Information about the author

Leontiy V. Lannik,
Cand. Sci. (History), Senior Researcher,
Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
32A, Leninskii Avenue, Moscow 119334, Russia,
✉ e-mail: leo-lannik@yandex.ru

Contribution of the author

L.V. Lannik carried out a research work, translated the primary source, commented it and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

Received February 18, 2021.
Received March 2, 2021.
Accepted March 9, 2021.